

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СМОЛЕНСКА И БОЯРСКОЙ ДУМЫ ОСЕНЬЮ 1610 – ЗИМОЙ 1611 ГГ.

канд. ист. н. Александров С.В.

(Государственный мемориальный комплекс «Катынь», г. Смоленск)

В августе 1610 года польская армия вступила в Москву, 17 числа между гетманом С. Жолкевским и Боярской думой был заключен договор об унии двух государств. Бояре согласились пригласить на русский трон королевича Владислава. Эти события привели к коренному изменению ситуации в стране, они же способствовали и новой расстановке сил вокруг осажденного Смоленска. Именно с этого момента начался второй этап обороны города, когда она становится делом не столько смолян, сколько делом торгового польского короля и различных боярских группировок.

Вопрос о Смоленске был довольно важен для Боярской думы, почему уже на переговорах с С. Жолкевским бояре поставили вопрос о снятии осады. Гетман согласился написать королю, «чтоб по Смоленску бити не велел никакой тесноты городу чинить не велел».

Большинство членов Боярской думы считали, что король должен снять осаду, после чего смоляне смогут присягнуть королевичу. Это нашло отражение в наказе послам, которые должны были ехать под Смоленск договариваться об условиях занятия Владиславом русского трона. В наказе говорилось: «Великий государь Жигимонд от Смоленска не отступит, и учнут паны рады говорить, что от Смоленска королю не хаживати, покамест Московское государство не успокоится... и боярину князю Василию Васильевичу говорити: великий государь Жигимонд... пришел... только для успокоения Московского государства. А по которой грамоте гетман целовал крест, и в той записи записано, как город Смоленск государю королевичу челом добьет, и Жигимонду итти от Смоленска прочь со всеми ратными людьми» [5: 161].

26 августа/5 сентября под Смоленск прибыло трое дворян «... с письменным и словесным приказом воеводе от князя Мстиславского покориться и бить королю челом» [4: 663]. И значит, в Боярской думе были и сторонники присяги смолян Сигизмунду III.

В самом Смоленске после заключения договора от 17/27 августа возникли две партии. «Дневник осады» от 14 сентября сообщал: «...передались три боярина, которые сказали, что между осажденными великое разногласие. Бояре, стрельцы и духовенство стоят за то, чтобы сдать на имя короля... а посадские люди, т.е. купцы, в числе которых есть много зажиточных, богатых, не как не хотят отложиться от столицы» [4: 667]. Стремление дворян в Смоленске как можно быстрее присягнуть королю было вызвано желанием вернуть свои поместья. Этому способствовала и позиция тех дворян, которые после Клушинской битвы целовали крест Сигизмунду III. Таких дворян было довольно много, но они ни в коем случае не переходили на сторону Речи Посполитой. Дворяне исходили из того, что после свержения Василия Шуйского русским царем станет польский королевич, и король выведет свои войска из России.

Положение Смоленска в сентябре 1610 года было двойственным. С одной стороны, оборона города теряла смысл: Речь Посполитая перестала быть врагом, польский королевич получил законные права на русский трон. С другой, Сигизмунд III не снимал осады, а это означало, что польско-литовские магнаты желают отторгнуть Смоленск от России. В таких условиях главным для смолян осенью 1610 года стал вопрос о присяге. Если присяга королю давала шанс полякам присоединить Смоленск к Речи Посполитой, то присяга Владиславу гарантировала смолянам сохранение Смоленска в составе России.

Таким образом, заключение договора от 17/27 августа и признание значительной части смоленских дворян вне Смоленска Владислава Сигизмундовича законным государем привели к резкому противостоянию дворян и посадских в Смоленске.

М.Б. Шеин в данной ситуации занял твердую позицию: Смоленск должен присягнуть Владиславу.

После того, как в Смоленск пришла грамота от Ф.И. Мстиславского, воевода предложил полякам начать переговоры об условиях сдачи города на имя королевича. Они начались 1/10 сентября. В этот день в польский лагерь прибыли 6 смоленских послов от всех сословий города. Они выдвинули два усло-

вия: 1) Смоленск сдается на имя Владислава, 2) король выводит свои войска за пределы России. На это поляки ответили отказом и потребовали присяги королю. Через три дня смоляне снова сошлись с панами и заявили, что они «никак не хотят и не могут отклониться от столицы, потому что не имеют отсюда дозволения отложиться от жителей столицы и поддаться чужому королю». 6/16 сентября за городской стеной встретились канцлер Литвы Лев Сапега и М.Б. Шеин [4: 664, 666, 667]. И снова ни о чем не договорились.

Боярское посольство прибыло в королевский лагерь 7/17 октября. Великими послами были митрополит Ростовский Филарет Романов, боярин князь Василий Васильевич Голицын, окольный князь Данила Мезецкий, думный дьяк Томила Луговской. Их сопровождали выборные от разных чинов люди в количестве 1246 человек. Среди них были дворяне Смоленска, Вязьмы, Дорогобужа и Рославля – 251 человек [5: 131].

Первоочередным вопросом, стоявшим перед послами, был вопрос о Смоленске. В наказе говорилось, чтобы они требовали снятия осады. И только после его положительного решения они могли обсуждать условия занятия трона Владиславом.

Позиции сторон были противоположными, и послы не имели существенных аргументов против польской позиции. Часть русских уездов была захвачена поляками, в Москве находился польский гарнизон, Боярская Дума фактически не имела армии. Но послы твердо отстаивали «наказ», что придало переговорам с самого начала довольно сложный характер. В октябре-ноябре состоялось 5 съездов послов с поляками. На них последние наотрез оказались снимать осаду до тех пор, пока смоляне не присягнут Сигизмунду III, с чем, в свою очередь, не согласились послы. Не помог им и С. Жолкевский, прибывший под Смоленск 20/30 октября. Гетман заявил: «Договор, который я с Московским государством заключил, король соблюдает. Но, что его величеству отойти от Смоленска я не говорил» [7: 604].

Различие русской и польской позиций завело переговоры в тупик. 18/28 ноября на очередном съезде поляки заявили, что если послы не согласятся на ввод в Смоленск королевских войск, то они 1 декабря начнут штурм крепости. Послы ответили отказом. По возвращении в свой лагерь Филарет обратился к дворянам: «...если Смоленск возьмут приступом, то они... от патриарха, бояр и всех людей... не будут же в проклятии и ненависти...» на это дворяне ответили, «единолично на том стоять, чтобы в Смоленск польских и литовских людей не пустить...» [7: 608].

На этом завершился первый этап переговоров. Поляки, не добившись от послов сдачи города, решили перейти к активным действиям. Переговоры показали решимость послов не допустить сдачи Смоленска.

Но позиция послов не совпадала с позицией дворян в осажденном городе. Последние еще в сентябре требовали от воевод присяги на имя короля. И твердая позиция послов и М.Б. Шеина не могла не раздражать дворян в Смоленске. Их не устраивал и тот факт, что король жаловал перешедших на его сторону поместьями и нередко раздавал им чужие владения.

Из 185 дворян Смоленского уезда, целовавших крест Сигизмунду III в 1610 году, 65 человек получили грамоты не на свои поместья.

В ноябре ропот на М.Б. Шеина в Смоленске усилился. Вяземские дворяне подбивали своих людей бить посадских. 1 декабря воеводе донесли, что вяземский дворянин Сергей Гридков говорил: «Шеин де нас губит с посадскими людьми, а королю деи и королевичу не целует, и ждут вора с Москвы. И мы де Шеина заграбя выдадим за стену, будет деи в Польше с Шуйским, а посадских людей побьем, а животы их пограбим».

М.Б. Шеиным была недовольна и какая-то часть простых людей. 3/13 декабря в «Дневнике осады» имеется такая запись: «стрельцы, бояре и мир пришли к Шеину и кричали, чтоб он больше не проливал крови и покорился королю, но он просил, чтобы дождались Рождества Христова, а после того он будет вести переговоры» [4: 702, 706, 707].

Но кроме разговоров ничего существенного в Смоленске не произошло. Надо полагать, посадский мир и большая часть дворян выступили в этот период в поддержку воеводы и встали на защиту Смоленска 21 ноября/1 декабря, о чем сообщает «Дневник осады». В этот день в районе поврежденных во время летних штурмов башен поляки взорвали 150 центнеров пороха, заложенного в подкоп. От взрыва «вырвало мало помалу значительную часть стены на 10 сажень в длину», после чего «рыцарство под началом Новодворского пошло ко рву... за рвом находился земляной вал, а за валом стояло их (русских) несколько рядов готовых к битве», ко рву мешали подойти и пушки «с трех сторон направленные к отверстию» [4: 699, 701]. Поляки были вынуждены отложить штурм.

Позиция дворян заключалась, прежде всего, в присяге королю. Они требовали от М.Б. Шеина не открыть ворота, а начать переговоры о сдаче, непременным условием которых были присяга королю и возврат поместий. Иначе говоря, дворяне в Смоленске выступали не за безоговорочную капитуляцию, а за сдачу города на определенных условиях. И именно первый воевода представлял собой ту власть, с которой король и сенаторы должны были заключить соглашение о присяге. В такой ситуации М.Б. Шеин был необходим дворянству, как глава смоленской администрации, как посредник между ними и двумя переговаривающимися сторонами. Поэтому 21 ноября дворяне в Смоленске оказались на стороне воеводы, а не короля. В противном случае, при удачном штурме, они стали бы военнопленными, что лишало бы их всех шансов на получение своих поместий.

В конце 1610 года обстановка в России в очередной раз изменилась. Штурм Смоленска 21 ноября показал всем, что король стремится захватить Смоленск, а Боярская дума не имеет никаких реальных рычагов воздействия на Сигизмунда III. Действия польских войск ассоциировались с интервенцией.

Во главе оппозиции Семибоярщине стал Прокопий Ляпунов. Узнав о штурме Смоленска, он бросил открытый вызов боярскому правительству. П. Ляпунова поддержал воевода Зарайска князь Дмитрий Пожарский и глава тушинцев Иван Заруцкий. На территории Рязанщины сложилось Первое ополчение, ставившее своей целью изгнание поляков из Москвы и избрание царя всей землей.

В декабре в Калуге был убит Лжедмитрий II. Тушинское воинство, лишившись лидера, раскололось. Большинство дворян решило пойти на союз с

теми, кто в августе присягнул королевичу. Но когда их послы побывали в Москве, занятой поляками, то убедились, что новая власть есть ни что иное, как польская оккупация, и отказались признать власть Владислава «...до тех пор, пока тот не прибудет в Москву и все польские войска не будут выведены из России» [6: 341].

Не последнюю роль в идеологическом обосновании Первого ополчения сыграла оборона Смоленска. Чтобы понять эту роль, рассмотрим изменение политической ситуации в России с осени 1609 до зимы 1611 гг. В период, когда началась оборона города, русское общество, разделившись на два враждующих лагеря, вело между собой ожесточенную борьбу, и Смоленск со своими заботами был предоставлен самому себе. Ни у одной из враждующих группировок не было ни сил, ни желания оказать городу помощь. В августе 1610 года большая часть русского общества признала царем королевича Владислава, другая же его часть выступила с патриотическими лозунгами борьбы с иноземным вторжением. Лжедмитрий II не подходил на роль лидера патриотического лагеря, так как был скомпрометирован союзом с польской шляхтой. Взоры патриотов обратились к Смоленску, который отказался признать власть польского короля. Для патриотического лагеря именно Смоленск становится символом независимой России. Для П. Ляпунова и Д. Пожарского Смоленская оборона стала идеологическим обоснованием Первого ополчения. Тем самым политическая ситуация осени 1610 года сделала Смоленск основным оплотом патриотических сил, для которых главное значение имело само существование города, противостоящего армии польского короля.

Подъем национально-освободительного движения, начавшийся в самом конце 1610 года, привел в него многие слои населения, в том числе и тех дворян, которые до этого поддерживали Владислава. Об этом свидетельствует «Смоленская грамота», написанная дворянами под Смоленском в конце 1610 или начале 1611 гг.

Большое внимание в грамоте уделено Смоленску и его защитникам. Грамота, собственно, и начинается с описания осажденного города. Слова о Смоленске самые эмоциональные. «Поревнуем и подивимся великому граду Смоленску, его же стояние к западу – како в нем наши же братья, православные христиане сидять, и великую тесноту терпят, и стоят крепце за Православную веру, и за святые Божии церкви, и за свои души, и за всех нас, а общему нашему супостату и врагу... не покоряться и не здадутся... и все граждане смоленские, все стоят единодушно и непреклонно... хотят славно умерети, нежели горестно и бесчестно жити... и каково мужество показали, и какову славу и похвалу учинили во все наше Росийское государство...» [4: 189].

Таким образом, русское дворянство, в том числе и смоленских уездов, переходит на сторону национально-освободительного движения. Осенью 1610 года смоленские дворяне оказались в очень тяжелом положении. Их поместья были захвачены поляками.

Начало национально-освободительного движения оказало определенное влияние на положение Смоленска. Б.Н. Флоря пишет, что восставшие дворяне установили связь с осажденными. В феврале-марте в Смоленск были переданы несколько грамот, в которых освещались последние события в стране [8:

308]. В то же время это движение испугало Семибоярщину и ее сторонников. Продолжая поддерживать законного царя Владислава, Боярская дума в этот период оказалась в политической изоляции, так как основные слои населения вступили на борьбу с польскими войсками. Единственной силой, на которую Семибоярщина могла опереться, была армия Сигизмунда III. Но чтобы она пришла на помощь, нужно было заставить смолян во главе с М.Б. Шеиным сдать на имя короля. Сигизмунд III, стремясь овладеть Смоленском, попытался прибегнуть к запугиванию Боярской Думы. 21 ноября он отправил в Москву послание, в котором упрекал смолян в поддержке Лжедмитрия II [5: 186]. Каких-либо фактов сношения смолян с самозванцем источники не содержат, но эта версия, пишет Б.Н. Флоря, «была пущена в ход для того, чтобы дать хоть какое-то обоснование требованию о вводе в Смоленск польско-литовского гарнизона» [8: 308]. 25 декабря Борис Грязнов доставил под Смоленск грамоту Боярской Думы с требованием послам согласиться, чтобы смоляне присягнули королю, и впустили в город польский гарнизон. Позже под Смоленск доставили еще одну грамоту из Москвы, в которой говорилось: «... а только не учнете делать по нашему совету... и не учнете бити челом им, великим государем, и мы вам объявляем, вам от нас помочи не будет» [1: 151]. Такая политика оставляла смолян один на один с королем и его армией. Боярскому правительству не нужна была оборона Смоленска, оно оставляло город на произвол судьбы.

27 – 28 декабря/6 – 7 января, после перерыва, состоялся очередной съезд послов с поляками. Последние потребовали подчиниться решению Боярской Думы и сдать Смоленск. Митрополит Филарет, опираясь на тот факт, что грамоты не были утверждены патриархом Гермогеном заявил: «...отправлены мы от патриарха, всего священного собора, от бояр, от всех чинов, от всей земли, а эти грамоты написаны без согласия патриарха... и пасаны они о деле духовном, о крестном целовании; тем более без патриарха ничего сделать нельзя. Без патриарховой грамоты на такое дело дерзнуть не смею, чтоб приказать смольнянам целовать крест королю» [7: 627, 629].

23 января для уговоров смолян из Москвы прибыл Иван Салтыков, ему смоляне ответили: «...есть при короле послы от всего Московского государства, через них и должны с нами говорить» [7: 630]. Вскоре И.Н. Салтыков сам отказался служить королю и возглавил восстание смоленских дворян, которые ушли в Первое ополчение.

В феврале между послами и поляками был найден компромисс. В.В. Голицын предложил королю впустить в Смоленск 50 – 60 польских солдат, король в свою очередь увеличил это число до 700. Сошлись на 200 [2].

Скорее всего, Филарет и В.В. Голицын пошли на уступки под нажимом из Москвы. Надо полагать, оба посла, как и вся Боярская Дума, с опаской относились к усиливающемуся патриотическому движению. Ведь Первое ополчение выступило против законного, по их мнению, царя. В таком случае свержение Семибоярщины могло привести к усилению Смуты в стране, так как в ополчении объединились силы, боровшиеся с центральной властью. Отсюда исходила угроза, что на русском престоле снова мог оказаться самозванец.

27 февраля Боярская дума направила грамоту М.Б. Шеину, в которой говорилось: «...и вам бы для их государевой чести пустить в Смоленск королевского воеводу с литовскими людьми по приговору». Одновременно была отправлена грамота и королю: «В Смоленск мы писали, чтоб они оставя всякий недобрый совет и упорства вам великим государям добились челом и крест бы вам великому государю нашему, царю и великому князю Владиславу Жигимундовичу целовали вскоре...» [3].

В этот же день в Смоленск прибыли послы Данила Мезецкий и дьяк Томила Луговской, которые сказали воеводам «...чтоб пустили в город сто пятьдесят человек» [3].

В феврале в королевском совете были составлены условия, на которых Смоленск должен был открыть ворота.

Все это свидетельствует, что Смоленск зимой 1611 года стал разменной монетой в борьбе различных боярских группировок. Город фактически оказался заложником Русской Смуты. В конце февраля или начале марта польские условия были переданы смолянам. Для их обсуждения М.Б. Шеин созвал дворян и земских представителей. На этом собрании были выработаны контрусловия, которые смоляне передали полякам 15 марта. В заключение было сказано, что 200 человек могут войти в Смоленск лишь только после того, как король снимет осаду и покинет Смоленский уезд [5: 251-252]. Требование смолян о выводе польской армии из России сводило на нет все польские условия. Защитники Смоленска остались верны своей клятве, которую они дали в октябре 1609 года – «умереть, а литовскому королю не покориться».

Определенную роль в отказе от сдачи города сыграл тот факт, что в Смоленске стало известно о посылке из Брянска войск под предводительством Федора Барятинского, а из Путивля Юрия Беззубцева. Б.Н. Флоря считает, «что речь шла об организации крупного похода, в котором должны были действовать... собравшиеся в Брянске и Рославле дети боярские западных уездов» [8: 358]. Но эта помощь запоздала.

После провала мартовских переговоров со смолянами у Сигизмунда III остался единственный способ овладеть Смоленском – посредством нового штурма. К этому времени стало окончательно ясно, что переговоры с боярами лишь пустое времяпровождение. Большая часть населения России выступила против интервентов, армия Первого ополчения осаждала столицу, смоляне не помышляли о сдаче. В таких условиях король отказался от переговоров, послы были объявлены пленниками и 6 апреля отправлены в Вильно.

Взаимоотношения Смоленска и Боярской Думы осенью 1610 – зимой 1611 гг. показывают, что первоначально бояре стремились добиться снятия осады города, и это нашло отражение в «наказе» послам. Но отсутствие у Боярской Думы реальных рычагов воздействия на Сигизмунда III, начало национально-освободительного движения в стране, и стремление удержать власть с помощью польских войск привело Думу к политической изоляции. С декабря 1610 года она идет на поводу у польского короля и отказывается от выполнения условий «наказа». С этого времени главной задачей бояр становится стремление добиться от М.Б. Шеина сдачи города.

3 июня 1611 года Смоленск пал, завершилась 20-месячная оборона города, но именно она сделала Смоленск символом независимой России и положила начало национально-освободительному движению.

Список использованных источников

1. Голиков И.И. Дополнения к деяниям Петра Великого. Т. 2. М., 1790.
2. РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. Д. 22. Л. 22.
3. РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. Д. 23. Л. 1.
4. Русская историческая библиотека. (РИБ) Т. 1. М., 1872.
5. Русское историческое общество. (РИО) Т. 142. М., 1913.
6. Скрынников Р.Г. Смутное время. Крушение царства. Смоленск, 1996.
7. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. М., 1964.
8. Флоря Б.Н. Русское общество и польская интервенция начала XVII века. М., 2006.